

ИГРА НЕ ПРОЩАЕТ ТЕХ,
КТО ОТКАЗЫВАЕТСЯ В НЕЕ ПОИГРАТЬ

A woman with long dark hair is shown in profile, looking towards the right. The background is dark and misty, with several translucent, ghostly hands reaching out from the shadows. The overall mood is eerie and suspenseful.

ИГРА ТЕНЕЙ

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

Оксана Алексеева

Игра Теней

«Автор»

2016

Алексеева О.

Игра Теней / О. Алексеева — «Автор», 2016

В нашей академии все прекрасно: лучшее образование, замечательные условия жизни, крепкая дружба и первая любовь. Но если приглядеться внимательнее, то увидишь только Игру. А Игра не прощает тех, кто отказывается в нее поиграть.

© Алексеева О., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оксана Алексеева

Игра Теней

Глава 1

Если уж начистоту, то Ки Роджерс был мудаком. Конечно, о мертвых плохо говорить не принято, но если только наедине с самим собой, если положить руку на сердце, то он был истинным, отъявленным, талантливым мудаком. Мудаком по призванию, если предположить, что такое призвание существует. Именно Ки был создателем и идейным вдохновителем Игры Теней. Хоть никто об этом прямо и не говорил, факт этот был известен любому старшекласснику. Поэтому каждый считал Ки Роджерса мудаком, но никто не осмелился бы произнести это вслух.

Меня перевели в закрытую академию Крайсберг в пятнадцать. И уже буквально в первую неделю пребывания там я наслушалась таких страшилок, что готова была умолять родителей забрать меня домой. Но родители на мои мольбы только отвечали улыбкой – мол, Энни, ну чего ж ты удумала, такие перспективы, такие шансы и прочее. Ради этих расчудесных расчудес можно и призраков перетерпеть, и с монстрами подружиться, тем более, когда их не существует. Мне было целых пятнадцать, поэтому я не могла ссылаться только на веру в паранормальные явления, а других аргументов не нашлось, поэтому я осталась.

Позже я поняла природу всех этих хлопающих дверей, дамочек в белых одеяниях, передвигающихся по темному саду, «кровавых угроз» на стеклах и необъяснимых исчезновений-возникновений предметов. Все это было лишь розыгрышем, который мы между собой называли «Игрой Теней». Каждый ученик со временем от кого-то узнавал, что существует некое сообщество, которое посчитало себя вправе издеваться над остальными – и иногда даже преподаватели попадали в зону их «бурного веселья». Кого-то доводили длительное время, используя различные изощренные способы насмешек или страшилок, кто-то попадал только один-два раза – и никто из нас не смог бы объяснить, по какому принципу они выбирали объектов для своих игр. Розыгрыши были самыми разнообразными: от невинной шутки или распространения какой-либо сплетни до создания серьезной ситуации, в которой жертва могла даже получить травмы. Некоторые организаторы подобных розыгрышей иногда попадались на глаза свидетелям, но поскольку Игра охватывала всю академию, то было очевидно, что большинство из них так и остаются неузнанными. Все знали о существовании Игры, но самое странное было не в этом, а в том, что каждый называл ее одинаково – «Игра Теней», и каждый знал, что ее создатель – Ки Роджерс, хотя никто не подозревал, кто именно из учеников, обслуживающего персонала или преподавателей скрывается под этим вымышленным именем. И было понятно, что эта информация либо просто просочилась от одного из участников глупой банды, либо была специально распространена, чтобы держать остальных в напряжении.

Сама я попала в жертвы почти сразу после поступления в академию. Каждую ночь моя школьная форма пропадала из комнаты, а потом обнаруживалась во дворе перед садом – надетой на наше местное пугало. И как я ни старалась засечь воров или спрятать одежду – мне это не удавалось. Сейчас я допускаю мысль, что мне нарочно подсыпали за ужином снотворное, отчего я пребывала все те дни в каком-то истерически-приторможенном состоянии. И когда я уже была близка к тому, чтобы сбежать из академии, впервые узнала от своей соседки по комнате Джейн об Игре Теней. Она-то и помогла пережить этот период издевательств, который продлился не больше пары недель, смириться и остаться. Осталась я, в первую очередь, потому, что самой Джейн моя поддержка требовалась гораздо чаще – и я не могла оставить ее тут одну.

Малышню – а в пятнадцать мы с Джейн принадлежали именно к этой категории – разыгрывали довольно мягко: максимум спрятать вещь или испугать. Но и такие действия поначалу производили на нас должный эффект. Например, когда я, однажды утром направившись в ванную, увидела надпись на зеркале «Джейн! Каждая жирная свинья должна сдохнуть!», написанную якобы кровью, то чуть не пережила инфаркт в своем еще совсем юном возрасте. Сама Джейн восприняла это гораздо острее – полноватая девочка, с детства привыкшая к насмешкам и оттого заработавшая некоторый набор комплексов, она поначалу все эти выпады принимала на счет общей неприязни к собственной персоне, отчего горько плакала после каждой подобной проделки. Надо признать, одноклассники к ней действительно относились не слишком дружелюбно – она была круглой отличницей, поступившей по количеству баллов, а не как многие другие – у которых родители могли потянуть заоблачную оплату обучения в академии Крайсберг; при этом внешне не особо привлекательная – а это в пятнадцать лет отчего-то становится очень важным фактором. А может и потому, что Джейн была готова огрызаться на любые высказывания в свой адрес, которые она считала нападками, что далеко не всегда соответствовало истине. В любом случае окружающие к ней огромной любви не испытывали, поэтому каждый раз становясь жертвой Игры, Джейн страдала еще больше, чем остальные. Я же, зная ее лучше других, видела, какой человек она на самом деле: добрая, очень умная, понимающая, преданная. И любила ее всей душой за эти качества, хоть и попадала тем самым иногда тоже под раздачу – за компанию.

Надо признать, что до того как мы перешли в старшие классы, Игра носила сравнительно невинный характер: вызвала неприятные переживания, но ничем особо страшным не грозила. Да и к тому времени мы все уже привыкли. Но в самой этой ситуации содержалась червоточина, носящая гораздо более глобальные последствия, чем проделки шутников – она подрывала отношения между детьми, делала всех настороженными друг к другу, недоверчивыми. Например, Джейн не могла с точной определенностью сказать – добавил ли ей краску в воду для мытья полов наш староста или один из участников Игры просто в плановом порядке. И поэтому приходилось на всякий случай ненавидеть всех. Никто не мог сказать, что услышанная информация – достоверная, а не специально запущенная сплетня. Поэтому на всякий случай приходилось не верить ничему. Игра или подозрения в Игре разрушили не одни дружеские или романтические отношения. Но зато те, кто прочно держался друг за друга, как мы с Джейн, могли называться настоящими друзьями, которые никогда не предадут – как солдаты, вместе выжившие после сражения, навсегда остаются братьями, что бы ни случилось.

Академия Крайсберг не просто так славится своими выпускниками, которые впоследствии становятся прекрасными политиками, дипломатами и бизнесменами – после такой школы выживания и бесконечных интриг они действительно готовы к любым реалиям жизни. Да, немного озлобленные, да, немного беспринципные, да, доверяющие только очень узкому кругу «своих», но всегда успешные – как раз благодаря вышеупомянутым качествам.

В старших классах Игра пошла немного по другим правилам: более злые шутки, более жестокий и долгосрочный прессинг некоторых жертв, чего не было, пока мы считались «малышней». Но к тому времени мы все уже были психологически готовы и, чаще всего, даже не выказывали никакой реакции. Мы с Джейн пытались выявить закономерности – по какому принципу выбирается жертва, и пришли к выводу, что все попадают в это число случайно, но потом, в зависимости от реакции, человек в этот список может попасть повторно. Например, Эллисон, закатившая истерику из-за того, что все ее тетради были вымазаны какой-то вонючей бурдой, нажаловавшаяся родителям, стала долгосрочной жертвой и уже две недели кряду постоянно оказывается в центре внимания Игроков. Жаловаться родителям – совершенно бессмысленно, потому что виновников обнаружить невозможно. На время дисциплинарных проверок все затихает, а потом возвращается с новой силой – и еще хуже для тех, кто вызвал эту бурю. Ах да, кое-что еще: как я уже сказала, некоторых участников Игры мы знали –

хотя бы потому, что они что-то делали открыто. И конфликт с любым из них в обязательном порядке имел последствия – тут же оказаться в числе жертв. Такие же последствия вызывало любое открытое выражение протеста против самого существования Игры.

Самая злая шутка, которую провернули со мной, состояла в следующем: ко мне по очереди подошли несколько человек и выразили сочувствие по поводу гибели моих родителей в утренней авиакатастрофе. Мне достаточно было только отпроситься у преподавателя, поскольку сотовые телефоны на занятиях запрещены, вернуться в свою комнату и набрать номер, чтобы убедиться, что это очередной нелепый выпад. И после этого с легкой улыбкой кивать остальным «сочувствующим». Уверена, что никакой радости этот розыгрыш никому не доставил, раз уж меня вообще даже из колеи не выбил. Человек – существо, обладающее уникальной способностью приспосабливаться к любым условиям. И после этого случая меня будто отпустило – ничего страшнее испорченной формы, которую можно заменить за небольшую плату, или разорванных тетрадей они мне сделать не могут – так, значит, и переживать абсолютно не из-за чего! Вполне возможно, что вся эта Игра была своеобразным социальным экспериментом, целью которого и было привести каждого в подобное состояние полной психологической неуязвимости. При всем моем негативном отношении к Игре я вдруг впервые почувствовала в ней и некий смысл. Теперь и издевки над другими людьми не считала чем-то из ряда вон выходящим. Ну, в самом деле, если ты в восемнадцать-девятнадцать лет способен разрыдаться из-за того, что на твоем стуле оказался суперклей или в твоей сумке – горсть сушеных тараканов, так, может, тебе просто не место в академии Крайсберг? Как и дальше – не место в политике или бизнесе.

В остальном закрытая академия отличалась безупречностью: занятия у нас вели лучшие профессора со всей страны, отбор в ученики был жесточайшим. И даже те, кто попал сюда за оплату или благодаря связям, могли легко вылететь, если не справлялись с учебными курсами. Наверное, именно поэтому и стиралось разделение на «платников» и «стипендиатов»: тут, в этом закрытом пространстве, все жили по одним и тем же правилам, поэтому со временем переставало иметь значение – президент ли твой отец или сантехник. Игра, кстати говоря, тоже в значительной степени способствовала равенству, потому что ни для кого, кроме собственных участников, не делала поблажек. На выходные некоторые разъезжались по домам, я же навещала родителей, живущих в Детройте, только на каникулах. В таком же положении оказывалось большинство учеников. И к этой жизни быстро все привыкали – благо, детей младше четырнадцати лет сюда не принимали. Строжайшей дисциплиной нас тоже не особо донимали: в свободные от учебы дни, при наличии письменного заявления родителей, можно было выезжать в город. Между зданиями академии в дневное время перемещаться разрешалось беспрепятственно, запрет распространялся только после одиннадцати. Да и то, ни для кого не было секретом, что старшие мальчишки находили способы навещать своих подружек в женском общежитии в любое время суток. Помимо учебы у нас были обязанности: простые работы типа поливки или прополки в теплице, покраски, мытья окон или чего-то в этом духе. Например, в мою задачу в этом семестре входило кормление собак по понедельникам и четвергам – взять с кухни уже приготовленные бидоны да отнести в псарню, заодно и почесать каждую мохнатую морду за ухом – вот и вся работа. Все это делалось в рамках «воспитательной программы» – физический труд, пусть и такой необременительный, очень полезен с точки зрения становления личной ответственности. Особенно для детей президентов, я думаю.

Поэтому со временем мое отношение к академии пришло к какой-то устойчивой точке – это был немного странный, многолюдный, но дом. Неоднозначное отношение вызывала только Игра. Все наше сообщество делилось на тех, кто играет, и на тех, кем играют. Мы были двумя противоборствующими лагерями, но притом не могли знать наверняка, кто по какую сторону баррикад находится. И даже в этом был своеобразный порядок. А потом для меня все изменилось.

Я училась уже в выпускном классе, когда нашла в двери записку, все содержание которой сводилось к следующему:

«Привет, Энни! Я приглашаю тебя поиграть с нами. Последний год в академии можно провести нудно и скучно, но я предлагаю тебе иной вариант – давай повеселимся! Правила просты:

1. Ты не должна никому говорить о том, что ты – Игрок, кроме других Игроков (да-да, почти как первое правило Бойцовского клуба:)).

2. Ты обязана выполнять все задания, поступающие от главного администратора, то бишь меня – Прекрасного и Ужасного, но ты можешь звать меня просто Ки.

3. Задания от других участников можешь выполнять по собственному желанию.

4. В случае если ты отклонишься от выполнения обязательного задания или с кем-то посторонним будешь обсуждать Игру, то именно ты попадаешь в топ жертв – и тогда держись, милая Энни! Поэтому хорошенько подумай, прежде чем ввести эту ссылку.

С любовью и бесконечным обожанием, Ки Роджерс».

Целую секунду я думала... О, не над тем, что если я зайду на указанный сайт, то пути назад уже не будет, не взвешивала варианты моральности и аморальности Игры, а только над тем, что вряд ли в мире найдется хоть один человек, способный противостоять такому любопытству. Это как будто ты ходил недалеко от пропасти долгое время, а потом тебе позволили приблизиться к ее краю – и дальше все, дальше уже нет иного пути, кроме как заглянуть в нее! Я даже не думала, что буквально через пару минут могу пожалеть о своем решении, потому что не принимала никаких решений.

Ссылка вела напрямую в чат. Я зарегистрировалась под ником «Рибонуклеин» и зашла, а мое сердце отчего-то замерло – ощущение, похожее на восторг или ужас... от сопричастности. В «Общей комнате» онлайн значились несколько человек – и их ники мне, естественно, ни о чем не говорили. Я просто осматривалась, когда пикинуло пришедшее сообщение:

Никарагуа: Привет! Новенький?

Пальцы задрожали еще сильнее. Но я нашла в себе силы напечатать:

Рибонуклеин: Да.

Никарагуа: Если понадобится помощь – обращайся! Помогу разобраться, мне все равно как раз делать нечего))

Ишь, какая у них тут взаимоподдержка и взаимовыручка! У них... или у нас? Они – сообщество злобных идиотов, и я теперь его часть, как бы это ни звучало.

Рибонуклеин: Спасибо, но я пока сам.

Поверхностное ознакомление с интерфейсом показало, что общаться можно как в «Общей комнате», где переписка видна каждому пользователю онлайн, так и в личных сообщениях – тет-а-тет. Наверху выделены две надписи: «Правила Игры» и «Топ жертв». Я ткнула на второе. Всего десять имен, часть из которых мне была знакома. В первой строчке значилось «Александр Миллер» – мой одноклассник и бывший староста – тот самый, который раньше постоянно ругался с Джейн. Еще с последнего происшествия с «кончиной моих родителей» мы обе знали, что Алекс участвует в Игре – он был одним из первых, кто подошел ко мне с соболезнованиями, да и в других недавних розыгрышах был замечен. А теперь он возглавляет список потенциальных жертв Игры – очень странно, но у меня пока было слишком мало информации, чтобы понимать хоть что-то. Нельзя отвергать и мысль, что Игроки тоже попадают в рандом – хотя бы для того, чтобы от них отвести подозрения. Моего имени, как и имени моей подружки, в этом списке не было.

Прочитав правила, я стала понимать чуть больше. Оказалось, что большинство розыгрышей – это не дело рук администратора, так называемого Ки Роджерса, а решения самих Игроков. Они в общем чате просто придумывали что-то, и все, кто был согласен присоединиться, в этом участвовали. На сайте было запрещено указывать свои настоящие имена,

но многие, конечно, друг друга знали и в реальности. Это был низший уровень Игры, куда входили те Игроки, которые раскрыли себя, «провалились» как раз на таких заданиях. Топ жертв составлялся администратором, уж не знаю, на каких основаниях. Кстати, раскрытие своей личности в процессе выполнения задания серьезной промашкой не считалось. Единственным условием было отмазываться перед посторонними чем угодно, только не Игрой. Такая «утечка информации» была даже выгодна общей концепции: нагнетала атмосферу, усиливала страх. За каждое выполненное обязательное или необязательное задание начислялись бонусы. Наверное, даже был некий норматив – типа не наберешь за определенное время достаточное количество – сам попадешь в топ. Или что-нибудь в этом духе.

Задания от Ки Роджерса – а теперь я не была уверена в том, что это один человек – являлись обязательными к исполнению. И это был другой, более глубокий уровень Игры, когда каждому Игроку в личных сообщениях давалась своя часть задания, и вряд ли кто-то представлял всю ситуацию целиком.

Почитав некоторое время переписку в чате, я не ощутила в себе желания проявить инициативу, хотя наблюдать за этим было смутно интересно. Что это? Просто любопытство, сопричастность или какая-то черная тень проснулась во мне? Несмотря на то, что я никогда не хотела лично над кем-то издеваться, мне вдруг стало интересно – а как отреагирует Ричард Свон, если они все же организуют ему свидание вслепую с Максом Данном, а потом распространят ложную информацию, что эти два ярых гомофоба давно встречаются? И поверят ли в это остальные?

Скрип двери заставил подскочить на месте – Джейн вернулась из библиотеки.

– Что с тобой, Энни? – как всегда участливо поинтересовалась подруга.

– Ничего, – я заставила себя улыбнуться. – Как поживает эссе по литературе?

После, улучив минутку, я очистила историю браузера – этот ноутбук мы использовали вместе, но теперь у меня появилась тайна – впервые я что-то скрывала от близкого человека. Это вызвало внутри какую-то мешанину из эмоций: своеобразное предательство, но и приятное возбуждение. Таинство. Что-то только мое. Что-то очень грязное, о чем нельзя просто так рассказать настолько чистому человеку, как Джейн, что-то настолько интригующее, от чего нельзя просто так отказаться. В любом случае вначале нужно разобраться с собственным отношением к произошедшему, а в тот день я была далека от этого.

Глава 2

Теперь в чат Игры я выходила только со своего сотового и следила за текущим общением. Интерес мой не ограничивался лишь беглым поиском своего имени или имени Джейн, которые пока не упоминались. Но чем больше я понимала в происходящем, тем больше вопросов у меня возникало. И самый главный определился быстро: почему они позвали в Игру меня? Я видела, как охотно Игроки впутываются во всяческие авантюры, чаще всего не носящие особо значимого характера, и делала вывод, что это особый сорт людей. Новая ветвь «хомо сапиенс» – «человек скучающий» – не особо злобный, потому что из ряда вон выходящих проделок за истекшие три дня в чате не обсуждалось, а просто пытающийся привнести краски в собственную жизнь, пусть и за счет спокойствия других людей – вот краткий психологический портрет типичного Игрока. Я же так и не нашла в себе достаточного рвения потратить собственный вечер на то, чтобы поугубить малышку или нарядить скелет в кабинете биологии в свадебное платье, и уж тем более – на то, чтобы в очередной раз достать бедную Эллисон. Я отчасти понимала мотивы их поступков и – отчасти! – принимала тот факт, что без этого сборища жизнь в академии была бы куда скучнее, но сама участия не принимала. Наверное, и не собиралась принимать. Все, что двигало мною, – неумолимо растущее любопытство.

На одном из занятий, когда отвечать вызвали Алекса Миллера, я посмотрела на него пристальнее, чем делала это в последнее время. Довольно приятный внешне парень, но омерзительный внутри – он года два не оставлял Джейн в покое! Будто ей и без его бесконечной критики «ее ляжек» было легко. И теперь я неожиданно отметила, что он выглядит немного уставшим – да нет, заметно уставшим, вяло отвечающим на вопросы преподавателя, что сильно шло вразрез с его устоявшимся образом чванливого громкоголосого засранца. Связано ли это как-то с тем, что Миллер возглавляет топ жертв Игры Теней? Я теперь старалась не выпускать его из вида на протяжении всех занятий, но абсолютно никаких шуток с его участием не происходило. Вот только эта заметная усталость... или апатия бросалась в глаза. Скорее всего, просто завел себе подружку – вот и недосыпает, бедолага. Легче представить, что какая-то дуреха повелась на такого говнюка, чем то, что Игра проводится втайне от других. Это противоречило бы ее основному принципу – демонстративности. Заодно и отметила тот факт, что в чате при обсуждении розыгрышей его имя тоже не всплывало, хотя под раздачу попадали все, начиная со второй позиции. Значит ли это, что первой строчкой занимается лично Ки Роджерс и никто больше? Или Миллер заполучил свой «номер один» по каким-то другим причинам, не связанным с обычными играми? Время покажет.

Эллисон нервно запищала, заставив всю группу обернуться к ее столу. Она получила контрольную с отметкой «неудовлетворительно» и выговор от преподавателя. Значит, тем троим вчерашним чатовцам удалось пробраться в кабинет миссис Адамс и подменить контрольную Эллисон на «сочинение» с картинками и нецензурными выражениями. Как им это удалось? Но Игра не была бы Игрой, если бы в ее распоряжении не было ресурсов, недоступных всем остальным ученикам. И это снова натолкнуло на мысль, что в основе организации есть кто-то из работников академии. Игра продолжается не менее пяти лет – а это уже означает, что Ки Роджерсом не может быть кто-то из старшеклассников, который за это время бы уже выпустился. Сейчас я склонялась к тому, что этим занимаются, как минимум, несколько человек. Но из них кто-то должен быть главным, авторитарным лидером, иначе система не работала бы так слаженно. Ки Роджерс должен существовать – как символ этого безобразия.

Внимательнее я теперь вглядывалась и в лица преподавателей. Среди них не было молодых мужчин, а подозревать добродушного пожилого мистера Гаррисона как-то фантазия не позволяла. Конечно, Ки Роджерсом могла быть и женщина, но и из них никто подобных ассоциаций не вызывал. Главным подозреваемым для меня стал заведующий библиотекой –

приятный доброжелательный Адам Саймон – мужчина около тридцати. Он тоже не особо соответствовал моим представлениям о главном злодее, но просто оказался ближе других к этому образу. Я не очень разбиралась в информационных технологиях, но мне казалось, что для руководства существование Игры не остается в тайне – пусть и без подробностей. А это значило, что они уже давно могли заняться этим вопросом, нанять специалистов и вычислить расположение главного сервера Игры. И этого могло не происходить по нескольким причинам: о сайте руководство академии могло все же не знать; Ки Роджерс – подготовленный хакер, которого непросто поймать; кто-то из работников намеренно блокирует это расследование. Мне казалось, что Адам Саймон, который помимо прочего, отвечал и за интернет в академии, может соответствовать, по крайней мере, двум последним требованиям.

– Давай в столовой сядем поближе к Дэну? – снова запричитала Джейн.

Мне захотелось потрепать ее по волосам. Бедная моя маленькая Джейн – она так тягостно влюблена в красавчика Дэна Диккенса, что ищет любую возможность хотя бы пересечься с ним взглядами. А если уж им удастся поздороваться, то это обеспечит приподнятое настроение моей подружке на три дня вперед. Дэн учился в другой группе на нашей параллели и, в отличие от многих других парней, ни разу не проявил никакого негативного отношения к ней. Возможно, это ее и зацепило. Он был на самом деле привлекательным: яркий блондин с вечно торчавшими вверх волосами, мягкой улыбкой и глубокими темными глазами. При всем этом антураже в Дэне ни разу я не замечала признаков самодовольства или легкомыслия. Он, кажется, ни с кем не встречался – а если и делал это, то без присущей всем бабникам демонстративности, всегда был вежлив и приятен. Да и круг общения его был примерно таким же, что неудивительно. В общем балльном рейтинге академии Дэн уже четвертый семестр подряд находился на первом месте. Умный, воспитанный и красивый – чего еще надо? А уж для Джейн такой набор качеств вообще был за гранью восприятия, поэтому я ее тайную влюбленность ни разу не осмелилась осуждать. Хотя, конечно, и понимала, что шансов заполучить его внимание у нее меньше, чем мне сегодня за ужином вычислить Ки Роджерса. Сердцу не прикажешь! Тем более прекрасному и доброму сердцу Джейн, закованному в это неприглядное расплывшееся тело.

Я никогда не считала Джейн уродиной, но это так часто повторяли все остальные, что будто отпечаталось на ней штампом. На мой вкус, некрасивых девочек вокруг было полно, милое лицо Джейн точно нельзя было назвать неприятным. А отсутствие шикарной фигуры и роскошных волос – это вообще можно чуть ли не про каждую первую сказать. Вот, например, Эллисон с ее крючковатым носом и тощим длинным телом была, как мне казалось, куда некрасивее, но она столько нападок в свой адрес никогда не получала! Думаю, вся эта травля Джейн произошла с легкой подачи Алекса Миллера – он первый, еще в самом начале, высказался о Джейн нелицеприятно, а все остальные просто подхватили. Сейчас уже редко кто открыто над ней смеялся, но накопленные комплексы теперь сами собой не рассосутся. Я бы многое отдала за то, чтобы в Джейн влюбился кто-то наподобие Дэна – о, это бы всем тут же заткнуло рты! Это бы мгновенно взметнуло ее самооценку на невообразимые высоты. К сожалению, принцы в дурнушек в реальной жизни не влюбляются. Никому не важен внутренний мир при такой внешней оболочке. Боюсь, даже Дэну.

Он ей нравился практически с самого начала – они пришли в академию одновременно, но после того случая, год назад, она облекла свои фантазии в ярко-выраженную надежду на взаимность. К нам приезжала театральная труппа, и перед представлением все толпились в холле. В общей давке мы и не заметили, кто и когда разрезал юбку Джейн – я только потом это увидела: огромный вырез прямо на попе, открывающий всем свидетелям ее нижнее белье и полные ягодички. Джейн и без этой проделки Игроков хватало насмешек, поэтому я запаниковала. И еще до того, как успела рассказать подружке, в каком виде ей придется идти через весь учебный корпус, а потом еще и двор, рядом оказался Дэн. Он молча стащил с себя пиджак и про-

тянул ей. А она, после того, как поняла, что конкретно случилось, покраснела, как заправский рак, но потом, на следующий день, поблагодарила его за спасение от очередного позора. С тех пор не только ее, но и мое отношение к Дэну стало другим – вот побольше бы таких настоящих мужчин!

В столовой им все же удалось поприветствовать друг друга, поэтому Джейн теперь цвела, поглощая омлет с ветчиной, а мне только с улыбкой оставалось это лицезреть.

– Мистер Диккенс! – раздался со стороны скрипучий голос куратора. Все поначалу уставились на него, а потом так же дружно на Дэна. – Вы не могли бы изливать свои гормональные всплески без актов вандализма и, желательно, не к преподавателю?

– Чего? – тупо переспросил Дэн.

Куратор не выглядел слишком уж разъяренным, он иронично поднял палец вверх, а потом им же указал в сторону окна. Все, включая нас с Джейн, рванули туда, чтобы посмотреть. На стене преподавательского корпуса огромными красными буквами было выведено: «Жюстин! Спасибо за твою нежность и страсть. Навеки твой, Д.».

Всего лишь «Д.» – так почему подозрение пало сразу на Дэна Диккенса? Очевидно же, что это мог сделать любой! Любой Игрок, например. Дэн теперь стоял позади нас и выглядел гораздо более недоумевающим, чем окружающие, которые уже принимались тихо смеяться. Куратор все возможные отговорки прекратил немедленно:

– В записях мистера Стивенсона отмечено, что именно вы позавчера под каким-то выдуманным предлогом взяли краску – именно эту самую краску! – куратора явно ситуация больше забавляла, чем злила. – Ну и раз вы оказались таким романтичным художником, то пойдите к мистеру Стивенсону снова, возьмите еще. И чтобы к вечеру стена была полностью покрашена. А потом извольте сходить к мадемуазель Ривье и извиниться за это – она в настоящем шоке!

После чего он удалился. Вокруг смех нарастал – все практически сразу поняли, что это розыгрыш. Для меня же картина выстроилась, как только прозвучало имя Стивенсона – ему навскидку было лет сто пятьдесят, и он в академии отвечал за раздачу инвентаря для различных работ. Призывать его в свидетели было бесполезно – он не мог вспомнить, что говорил и кого видел пятнадцать минут назад, а вот вписать в его отчет статью о выдаче краски – запросто. Ведь буквально вчера обсуждалась эта идея в чате Игры, правда, речь шла о другом ученике – видимо, Игроки уже сегодня изменили имя жертвы. Сам Дэн просто чесал светлую шевелюру, принимая хлопки сочувствия и шутки от друзей. Скорее всего, они ему и помогут выполнить задание куратора, оспаривать которое никому бы и в голову не пришло – Игра не прощает тех, кто отказывается в нее поиграть.

Мы с Джейн видели, как после занятий Дэн и двое его приятелей старательно красили стену. Подруга, не стесняясь в выражениях, высказывалась и об Игре, и об Игроках, а я молчала. Только думала о том, как дожидаться возможности зайти в чат – посмотреть, неужели Дэн попал в топ жертв, или это просто разовая насмешка. И еще я думала, что буду делать, если мне выдадут обязательное задание, связанное с кем-то из приятных мне людей. Например, с Джейн. Или Дэном Диккенсом, происшествие с которым расстроило Джейн гораздо сильнее, чем его самого.

К счастью, Джейн уснула быстро, что для нее было обычным делом. И только тогда я позволила себе заглянуть в чат Игры. Всю переписку полностью прочитать никогда не удавалось – чат очищался каждые несколько часов, а в последних сообщениях Дэна не обсуждали, как и не было его имени в топе. Теперь они планировали что-то с участием самой мадемуазель Ривье – кажется, они хотят «раскачать» роман между ней и Дэном, но я очень сомневаюсь, что многие в это поверят. Она была совсем молоденькой и очень хорошенькой, и наверное, многие парни в нее были влюблены. Коротко стриженная француженка с огромными глазами, приехавшая работать в академию пару лет назад. По-моему, эта идея имела бы смысл,

выбери они на роль жертвы кого-то более уязвимого, чем Дэн – вряд ли кто-то поверит, что такой серьезный и сдержанный человек замутит роман с преподавателем французской литературы. А если бы Дэн в такое и вляпался, то никто и никогда об этом бы не узнал. И уж точно он стал бы последним, расписывающим стены академии признаниями в любви. А раз никто не поверит, то такие забавы обречены оставаться только забавами, поэтому ничего особо зазорного я в них и не увидела.

Я даже дочитать не успела, когда увидела мигающий значок пришедшего личного сообщения. Невольно вздрогнула, уже привыкшая к тому, что меня не донимают и спокойно относятся к моему молчаливому присутствию. Но когда я прочитала имя отправителя, то чуть не вскрикнула.

Ки: Привет, милая Энни! Любишь подсматривать за остальными, не принимая участия?

Конечно, рано или поздно этот вопрос мне бы задали, я просто не давала себе труда об этом всерьез переживать.

Рибонуклеин: А разве можно называть участников их настоящими именами?

Ки: Думаю, тут мне можно все. Так тебе нравится моя Игра?

На этот вопрос однозначного ответа попросту не было – я видела в Игре плюсы, но ее минусы существенно перевешивали, поэтому и ответила:

Рибонуклеин: Нет.

Ки: Осталось выяснить, врешь ты мне или самой себе. Но это сейчас не имеет значения, правда? Готова получить первое обязательное задание? Хотя твоя готовность тоже не имеет значения:)

Меня охватил мучительный мандраж – волнение вкупе с какой-то близостью разгадки. Вот, впервые у меня появилась возможность пообщаться с самим Ки Роджерсом! Я еще ни разу не находилась так близко к нему. И пусть я не видела его лица, но могла узнать хоть что-то о его стиле общения, уме, характере.... Но скорее всего, сейчас он выдаст свое задание, и на этом наш диалог закончится. Надо сделать все возможное, чтобы успеть хоть что-то выяснить!

И вдруг, за какую-то долю секунды, я увидела ситуацию и с его стороны. Все, буквально все хотят задавать ему вопросы: «Почему выбрали меня?», «Сколько участников в Игре?», «Кто ты?» или нечто подобное. Большинство, как и я, поначалу не влезает добровольно в авантюры – вероятнее всего, так же отсиживаются, наблюдая за остальными. А потом является Ки Роджерс собственной персоной и дает обязательное задание. Азарт, который я наблюдала в чате, приходит только со временем. Я насчитала не более тридцати постоянных участников – и думаю, они как раз из тех, чьи личности раскрыты. Они на поверхности, они выбрали себе такую нишу – играть, но не заигрывать. А обозначив свою принадлежность к Игре Теней, они еще и обеспечивали себе страх со стороны других учеников. Это именно те люди, которые доставали бы остальных или подшучивали над кем-то, даже если бы Игры не существовало! Они есть в любом сообществе подростков, а Игра только объединила их под едиными знаменами и дала больше возможностей развернуться. Есть и те, кто только выполняет обязательные задания. Наверняка существует и та часть, что ведет свои игры, обсуждая их только в личных сообщениях. Другие новички, я почти в этом не сомневалась, ведут себя примерно как я – просто потому, что они пока не определились с нишей, которую хотели бы занять. Выжидают и осматриваются, сгорая от любопытства, но не рискуют сразу влиться в Игру.

А самое простое и сейчас важное – все эти вопросы задает каждый новенький, как только получает первую возможность поговорить с Ки Роджерсом. Ки устал от этих вопросов. Ки знает, как от них увильнуть. Ки нельзя поймать на таких простых маневрах. Я взяла себя в руки и написала только:

Рибонуклеин: Готова.

Через минуту зеленый огонек пришедшего сообщения снова подмигнул:

Ки: Жертва – Джон Ховард. Задание – в пятницу утром с его телефона скинуть сообщение: «Извини, я не смогу поехать» на номер...

И как же мне это выполнить? Но Ки устал и от таких вопросов. Это не его дело. Его дело только начислить мне бонусы, если я выполню задание, или включить меня в топ жертв, если провалюсь.

Рибонуклеин: Ясно.

Через пару минут все сообщения исчезли. И теперь я проклинала себя за то, что не решилась задать ни одного вопроса – теперь я не смогла бы написать Ки, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Чувство опустошенности никуда не делось. Я поступила верно, не начав расспрашивать о чем-то Ки – он все равно бы не ответил, но сами-то вопросы будто разбухали внутри головы. Они превращались в зубастых монстров, грызущих мозг, что я уже отчетливо ощущала. Снова пролистав чат – пока ничего интересного, и кажется, они решили наконец-то отстать от Эллисон. Давно пора – урок она усвоила, как и все те, кто когда-то задумывал пожаловаться на Игру родителям или преподавателям, а ее возмущенные пiski уже начали порядком раздражать. На завтрашний вечер планировалась только постановка страшилки для малышни – завывания посреди ночи, записанные на пленку, да кровавые лужицы возле дверей – по себе знаю, когда привыкнешь, это даже становится забавным. Правда, визгу будет... не все же еще привыкли, а среди малышни много недавно поступивших.

Глаза в очередной раз натолкнулись на ник «Кросс» – он нередко бывал онлайн, но ни одного сообщения в «Общей комнате» я от него не видела. Он мог быть одним из администраторов, следящих за общением в чате, или... таким же новичком-молчуном, как и я! Открыла личные сообщения.

Рибонуклеин: Я тут недавно. Поможешь освоиться?

Ответ пришел мгновенно:

Кросс: Что тебя интересует?

И я решилась! Хотя бы потому, что мои зубастые мысли уже начали прогрызать изнутри череп.

Рибонуклеин: Все!

Кросс: Тогда начни хоть с чего-нибудь.

Рибонуклеин: Ты давно в Игре?

Кросс: Сравнительно.

Вот так – он не горит желанием откровенничать. Я была уверена, что админам сайта доступно чтение личных сообщений, поэтому и тут запрещалось нарушать правила. Его осторожность могла быть следствием страха... или объяснялась принадлежностью к этим самым модераторам. И точно так же, как недавно с Ки, мой запал схлынул под натиском рациональных мыслей – я могу задавать вопросы, но никто или почти никто не решится на них отвечать. Только если они не касаются самой Игры и ее правил.

Рибонуклеин: Что будет, если я не стану участвовать в общих розыгрышах?

Кросс: Насколько я знаю – ничего. Ты должен выполнять задания от Ки, а остальное – уже твое дело. Но выйти из Игры ты не сможешь.

А может, я и ошиблась насчет того, что ничего не смогу вывести.

Рибонуклеин: А что случается с тем, кто хочет выйти?

Кросс: Скоро узнаешь. Следи за чатом в ближайшие дни.

Ничего не понятно, но совету я, конечно, последую.

Рибонуклеин: То есть ты хочешь сказать, что меня в любом случае заставят играть?

Кросс: В любом случае.

Рибонуклеин: Похоже на рабство!

Кросс: Это и есть рабство.

По спине прошелся мороз – нет, я и раньше смутно предполагала, как примерно все устроено, но кажется, в скором будущем стану свидетелем этого самого принуждения.

Рибонуклеин: *Тогда зачем кто-то вообще в этом участвует? Даже если выйти из Игры нельзя, то зачем кому-то выполнять необязательные задания?*

Кросс: *На это ты можешь ответить и сам. До связи!*

Он отключился, а я еще долгое время листала вверх-вниз, читая чужие сообщения в «Общей комнате». И да, Кросс был прав – я и сама знала ответ, почему люди добровольно играют. Вначале ими, как и мной – всеми без исключения – движет любопытство, потом некоторые находят себе развлечение в том, чтобы усложнять кому-то жизнь – и это скрашивает их монотонные учебные будни, а многие только тут, только в Игре, чувствуют себя более значимыми, чем они представляются себе в реальной жизни. Многие из них, особенно самые пакостные и самые активные, скорее всего, вне этой системы не больше чем ничтожества, серая масса – что-то наподобие Алекса Миллера. Но тут вся эта мерзость обезличена, а значит, обезличена и ее ничтожность. Объединившись, они чувствуют себя Легионом, даже не задумываясь, что к Игре они принуждены, посажены на цепь. Но вот Кросса мой вопрос о рабстве не смутил – а это значило, что он не принадлежит к числу бездумных идиотов. Теперь мне стало интересно узнать и его личность, а заодно и мотивы – он в Игре, потому что не может из нее выйти, или он играет в Игру другого уровня, в отличие от «Никарагуа», «Дракулы», «Классика» и прочих мелочных шутников?

На выпускной параллели шесть групп по тридцать человек в среднем. В целом, в трех старших параллелях – около шестисот учеников. Это если не считать профессорско-преподавательского состава и работников академии, и если предположить, что в Игроки приглашаются только старшеклассники. Сколько из них задействованы в Игре? Кто из них Ки Роджерс? Кто из них Кросс? Кто из них Классик, только что предложивший подсыпать миссис Адамс слабительное? Я могу каждый день проходить мимо, здороваться или обсуждать задание по математике и даже не подозревать... А подозревать можно каждого! Только Джейн, посапывая, повернулась на другой бок, доказывая свою полную невиновность в любых обвинениях.

Глава 3

Я ломала голову. В пятницу мне предстояло выполнить задание Ки – и в данный момент это казалось нереальным. Джон Ховард учился в моей группе, и мы общались с ним довольно хорошо. Я должна была отправить сообщение с его телефона – скорее всего, этот розыгрыш не имел никаких иных серьезных целей, кроме проверки меня. Ну, отправлю я кому-то, что Джон не сможет куда-то поехать – и что? С сотовой связью они смогут быстро разрешить это противоречие, так что даже никакого особого розыгрыша не получится. Но гораздо интереснее узнать – справлюсь ли я с этим. Конечно, я могла бы изобразить перед ним сцену: якобы что-то у меня случилось, и попросить у Джона его телефон для срочного звонка. Но в этом случае он вскоре бы понял, кто отправил сообщение – а это было не слишком-то интересно. Выполнить задание и при этом не раскрыть себя – вот тут уже задачка посложнее, но пока я не имела представления, как ее решить.

Кроме того я удовлетворяла свое любопытство хотя бы частично, общаясь с Игроками в личных сообщениях. Кто-то, как Никарагуа, отвечал очень охотно, кто-то не отвечал вовсе. Именно у Никарагуа и пары других участников мне удалось выяснить большинство деталей. Например, что дают бонусы за выполненные задания – это была своеобразная игровая валюта. За бонусы можно было нанять себе помощника для какой-то миссии, вставить имя жертвы в топ или, наоборот, выкупить кого-то из этого списка. Все эти операции проводились через Игрока под ником «Бухгалтер» – у него же можно было узнать расценки; но пока меня, не имеющую ни одного бонуса, это не интересовало. Помимо прочего, зарабатывание бонусов превращалось в некое соревнование между Игроками, что приносило в Игру дополнительный азарт. От Никарагуа я узнала и о том, что личные переписки на сайте не очень приветствуются – мне даже могут написать предупреждение, если буду этим злоупотреблять. Но при этом сам он отличался исключительным словоблудием, просто находка для шпиона! Из переписки с ним мне стало понятно, что большинство Игроков низшего уровня знакомы друг с другом в реале – это неизбежно, поскольку они иногда попадают на одни и те же задания, а потом часто и добровольно кооперируются в следующих. Но обсуждать Игру с посторонними было строжайше запрещено – и даже Никарагуа не знал, чем это чревато. Да он и не видел в этом смысла – Игра остается Игрой, пока она проводится скрыто, и «никому не придет в голову портить всем веселье». Судя по его оговоркам, сам он в Игре участвовал не менее двух или трех лет, потому что упоминал некоторые розыгрыши тогдашней давности.

Мои первоначальные предположения о структуре Игры подтвердились. Существовал особый уровень Игроков – Тени. Их было немного, но именно Тени следили за тем, чтобы все правила неукоснительно соблюдались. Насколько я поняла, Тени и входили в узкий кружок организаторов – ближайшее окружение Ки Роджерса. Под какими никами скрывается эта внутренняя разведка, Никарагуа не хотел или не мог мне ответить. Иногда Тени проводили и общие турниры: в чате вывешивалось задание, не связанное или почти не связанное с чьим-то розыгрышем, и те Игроки, которые их исполняли, зарабатывали себе очки. Эти турниры, по мнению моего собеседника, были самым интересным в Игре – когда все участники, охваченные азартом, носятся по академии в поисках какой-нибудь красной ленточки или пытаются пробраться в кабинет одного из преподавателей, чтобы оставить там бумажное сердечко, и никто извне не понимает, что происходит.

На занятиях я следила за Джоном Ховардом. На мой субъективный вкус, он был очень симпатичным парнем, но принадлежал к породе повес – бесконечные подружки, время от времени закатывающие ему сцены ревности, не слишком-то высокие баллы в общем институтском рейтинге – он учился почти на грани отчисления, вот только успехами в нашей футбольной сборной мог похвастаться. Вроде бы не глуп, насколько я могла судить, довольно приветлив,

но легкомысленный лентяй. Поначалу он тоже относился к тем, кто смеялся над Джейн, но как-то быстро остыл – думаю, бесконечная травля просто не вписывалась в его легкий характер.

Не знаю, оставляет ли он сотовый в комнате на время занятий или держит его выключенным в кармане пиджака. Ни в том, ни в ином случае я не представляла, как добраться до его телефона. В мужское общежитие днем пробраться не проблема, но вскрыть замок его комнаты я не могла. Уверена, со временем придется этому научиться – при такой-то жизни. А сейчас требовалось приложить изобретательность.

В среду я спросила у него, проходя мимо по коридору:

– Ты телефон потерял? Там про чей-то телефон куратор спрашивал.

Джон неосознанно хлопнул себя по карману, но потом спохватился:

– Нет. Мой же в комнате, – улыбка у него тоже очень приятная, объясняющая, почему вся группа поддержки готова из-за Джона перегрызть друг другу глотки.

Я просто равнодушно пожала плечами и пошла дальше. Значит, он оставляет телефон в комнате. Задача ну никак не хотела становиться проще. Теперь и нет смысла пробираться в спортивную раздевалку во время их тренировок.

К счастью, моя соседка много времени проводила в библиотеке – она всегда начитывала материала больше, чем нам задавали. Там же часто и выполняла домашние задания – говорила, что тамошняя атмосфера ее настраивает на рабочий режим. Ее отсутствие давало мне больше свободы для маневра.

Для начала надо было выяснить, где хранятся дубликаты ключей от комнат. Я зашла в приемную коменданта нашего общежития, демонстрируя близость к истерике:

– Миссис Клоктаун! Я потеряла ключи! – даже всхлипнула для реалистичности. – Возможно, их по ошибке прихватила Джейн, но я не имею понятия, куда она запропастилась. Уже все обыскала...

Женщина поправила очки и ответила недовольно:

– Заплатишь штраф!

– Заплачу! – с рвением откликнулась я. – А может, найдутся еще... Может, Джейн...

Она перебила:

– На, возьми пока дубликат, – миссис Клоктаун выдвинула ящик своего стола и отцепила от огромной связки ключ с номером нашей комнаты. – Вернешь вечером, если найдется твой. А если не найдется...

– Спасибо! – я уже убегала в свою комнату.

Теперь я знала, где хранятся дубликаты, но задача по-прежнему не хотела упрощаться. Мне нужно залезть в стол коменданту, успеть отыскать и отцепить нужный ключ. Идея пришла только вечером, когда я выполняла свои работы в псарне. Уже покормила собак и решилась на безумство – вот что делает Игра с порядочными людьми! Собаки ко мне были привязаны, псины у нас вообще отличались добродушием. Некоторые, правда, были чуть агрессивнее остальных, но ко мне, их кормилице, конечно, относились с должным уважением. Я выбрала для своей миссии трех псов, которые хотя бы внешне выглядели устрашающе. Вывела их во двор и... побежала. Собаки, как и положено собакам в таких случаях, радостно рванули за мной, уловив, что я предлагаю им повеселиться.

Я влетела в корпус мужского общежития и убедилась, что псы успели попасть внутрь до того, как дверь захлопнется. Тут же столкнулась с парой парней, которые, еще не понимая, что происходит, в спешке уступили мне дорогу. Я же орала, будто за мной гонится маньяк с бензопилой: «Помогите!». Коридор тут же заполнился недоуменными людьми и, естественно, примчался и сам комендант. Надо признать, что собаки свою роль не очень-то качественно исполняли – они радостно лаяли, задрав хвосты, и даже не пытались произвести впечатление угрозы. Но общую суматоху мне создать все же удалось. Пока все, возглавляемые комендантом, отлавливали не слишком-то озверевшее зверье, я занырнула в его каморку и нашла

нужный ключ. А потом исчезла оттуда, даже не пытаясь выяснить, что произошло дальше с моими подопечными. Комендант вообще не успел понять, кто стал причиной первоначального шума, а ученики, скорее всего, просто решили, что это очередная Игра. К тому же свидетелями стали только жители первого этажа и их гости. Пропажу вряд ли заметят – не пересчитывает же он ключи каждый день, особенно если для этого нет существенного повода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.